

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев

I

.....

II

.....

III

...«Довольно»,— говорил я самому себе, между тем как ноги мои, нехотя переступая по крутому скату горы, несли меня вниз, к тихой речке; — «довольно»,— повторял я, вдыхая смолистый запах сосновой рощи, которому свежесть наступавшего вечера придавала особенную крепость и остроту; — «довольно»,— сказал я еще раз, усевшись на моховом бугре над самой речкой и глядя на ее темные и небыстрые волны, над которыми толстый тростник поднимал свои бледно-зеленые стебли... «Довольно!»— Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову в обе руки и велеть сердцу молчать. Полно нежиться сладкой негой неопределенных, но пленительных ощущений, полно бежать за каждым новым образом красоты, полно ловить каждое трепетание ее тонких и сильных крыл. Всё изведено — всё перечувствовано много раз... [1] устал я.— Что мне в том, что в это самое мгновение заря всё шире, всё ярче разливается по небу, словно распаленная какую-то всепобедною страстию? Что в том, что в двух шагах от меня, среди тишины и неги и блеска вечера, в росистой глубине неподвижного куста, соловей вдруг сказался такими волшебными звуками, точно до него на свете не водилось соловьев и он первый запел первую песнь о первой любви? Всё это было, было, повторялось, повторяется тысячу раз — и как вспомнишь, что всё это будет продолжаться так целую вечность, словно по указу, по закону,— даже досадно станет! Да... досадно!

IV

Эх, состарился я! Прежде подобные мысли и в голову бы мне не пришли — прежде, в те счастливые дни, когда я сам разгорался, как заря, и пел, как соловей. Надо признаться: всё потускнело вокруг, вся жизнь поблекла. Свет, который дает ее краскам и значение и силу,— тот свет, который исходит из сердца человека,— погас во мне... Нет, он еще не погас — но едва тлеет, без лучей и без теплоты. Помнится, однажды поздней ночью, в Москве, я подошел к решетчатому окну старенькой церкви и прислонился к неровному стеклу. Было темно под низкими сводами — позабытая лампадка едва теплилась красным огоньком перед древним образом — и смутно виднелись одни только губы святого лика, строгие, скорбные; угрюмый мрак надвигался кругом и, казалось, готовился подавить своюю глухою тяжестью слабый луч ненужного света... И в сердце моем — теперь такой же свет и такой же мрак.

V

И это я пишу тебе — тебе, мой единственный и незабвенный друг, тебе, дорогая моя подруга, которую я покинул навсегда, но которую не перестану любить до конца моей жизни... Увы! ты знаешь, что нас разлучило. Но я не хочу теперь упоминать об этом. Я тебя покинул... но и здесь, в этой глуши, в этой дали, в этом изгнании— я весь проникнут тобою, я по-прежнему в твоей власти, по-прежнему чувствую сладостное тяготение твоей руки на моей склоненной голове! В последний раз приподнимаясь из немои могилы, в которой я теперь лежу, я пробегая кротким и умиленным взором всё мое прошедшее, всё наше прошедшее... Надежды нет, и нет возврата — но и горечи нет во мне и нет сожаленья, и яснее небесной лазури, чище первого снега на горных высотах, восстают, как образы умерших богов, прекрасные воспоминанья... Они не теснятся толпами, они проходят тихой чередой, как те закутанные фигуры афинских феолий [2], которыми — помнишь? — мы так любовались на древних барельефах Ватикана...

VI

Я сейчас упомянул о свете, который исходит из сердца человеческого и озаряет всё, что его окружает... Мне хочется поговорить с тобою о том времени, когда и в моем сердце горел этот благодатный свет. Слушай... а я воображаю, что ты сидишь передо мною и глядишь на меня твоими ласковыми и в то же время почти до строгости внимательными глазами. О незабвенные глаза! На кого, куда устремлены

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru вы теперь? Кто принимает в свою душу ваш взгляд – этот взгляд, который как будто вытекает из неведомой глубины, подобно тем таинственным ключам, как вы, и светлым и темным, которые бьют на самом дне тесных долин, под навесами скал?.. Слушай.

VII

Это было в конце марта, перед благовещением[3], вскоре после того, как я в первый раз тебя увидел, и, еще не подозревая, чем ты станешь для меня, уже носил тебя в сердце – безмолвно и тайно. Мне пришлось переезжать одну из главных рек России. Лед еще не тронулся на ней, но как будто вспух и потемнел; четвертый день стояла оттепель. Снег таял кругом – дружно, но тихо; везде сочилась вода; в рыхлом воздухе бродил беззвучный ветер. Один и тот же, ровный молочный цвет обливал землю и небо; тумана не было – но не было и света; ни один предмет не выделялся на общей белизне; всё казалось и близким, и неясным. Оставив свою кибитку далеко назад, я быстро шел по льду речному – и, кроме глухого стука собственных шагов, не слышал ничего; я шел, со всех сторон охваченный первым млением и веянием ранней весны... И понемногу, прибавляясь с каждым шагом, с каждым движением вперед, поднималась и росла во мне какая-то радостная, непонятная тревога... [4] Она увлекала, она торопила меня – и так сильно были ее порывы, что я остановился наконец в изумлении и вопросительно посмотрел вокруг, как бы желая отыскать внешнюю причину моего восторженного состояния... Всё было тихо, бело, сонно; но я поднял глаза: высоко на небе неслись станицей прилетные птицы... «Весна! здравствуй, весна! – закричал я громким голосом, – здравствуй, жизнь, и любовь, и счастье!» – и в то же мгновение, с сладостно потрясающей силой, подобно цветку кактуса, внезапно вспыхнул во мне твой образ – вспыхнул и стал, очаровательно яркий и прекрасный, – и я понял, что я люблю тебя, тебя одну, что я весь полон тобою...

VIII

Я думаю о тебе... и много других воспоминаний, других картин встает передо мною – и повсюду ты, на всех путях моей жизни встречаю я тебя. То является мне старый русский сад на скате холма, освещенный последними лучами летнего солнца. Из-за серебристых тополей выглядывает тесовая крыша господского дома с тонким завитком алого дыма над белой трубой, а в заборе калитка чуть раскрылась, словно кто потянул ее нерешительной рукою, – и я стою и жду, и гляжу на эту калитку и на песок садовой дорожки – я дивлюсь и умиляюсь, всё, что я вижу, мне кажется необыкновенным и новым, всё обвеяно какой-то светлой, ласковой таинственностью, – и уже чудится мне быстрый шелест шагов – и стою я, весь напряженный и легкий, как птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь, – и сердце горит и трепещет веселым страхом перед близким, перед налетающим счастьем...

IX

То вижу я древний собор в далекой, прекрасной стране. Рядами теснятся коленопреклоненный народ; молитвенным холодом, чем-то важным и унылым веет от высокого, нагого свода, от громадных, кверху разветвленных столбов. Ты стоишь возле меня безгласно и безучастно, точно ты мне чужая; каждая складка твоего темного плаща висит неподвижно, как изваянная; неподвижно лежат пестрые отраженья цветных окон у ног твоих, на потертых плитах. И вот, сильно потрясая тусклый от ладана воздух, внутренно нас потрясая, тяжелой волной прокатились звуки органа – и ты побледнела и выпрямилась – твой взор коснулся меня, скользнул выше и поднялся к небу, – а мне показалось, что только бессмертная душа может так глядеть и такими глазами...

X

То является мне другая картина[5]. Не старинный храм подавляет нас своим суровым великолепием; низкие стены небольшой уютной комнатки отделяют нас от целого мира. Что я говорю! мы одни, одни в целом мире; кроме нас двоих, нет ничего живого; за этими дружелюбными стенами мрак, и смерть, и пустота. То не ветер воет, то не дождик струится ручьями: то жалуется и стонет Хаос; то плачут его слепые очи[6]. А у нас тихо, и светло, и тепло, и приветно; что-то забавное, что-то детски-невинное, бабочкой – не правда ли? – порхает вокруг; мы приютились друг к дружке, мы прислонились друг к дружке головами и оба читаем хорошую книгу; я чувствую, как бьется тонкая жилка в твоём нежном виске, я слышу, как ты живешь, ты слышишь, как я живу, твоя улыбка рождается у меня на лице прежде, чем у тебя, ты отвечаешь безмолвно на мой безмолвный вопрос, твои мысли, мои мысли – как оба крыла одной и той же в лазури потонувшей птицы... Последнее преграды пали – и так успокоилась, так углубилась наша любовь, так бесследно исчезло всякое разъединение, что нам даже не хочется меняться словом, взглядом... Только

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
дышать, дышать вместе хочется нам, жить вместе, быть вместе... и даже не
сознавать того, что мы вместе...

XI

Или, наконец, мне представляется то ясное, сентябрьское утро, когда мы гуляли с тобою по пустынному, еще не отцветшему саду заброшенного дворца, на берегу великой нерусской реки, при кротком сиянии безоблачного неба. О, как передать те ощущения! Эта бесконечно текущая река, эта безлюдность и спокойствие, и радость, и какая-то упоительная грусть, и колыхание счастья, незнакомый однообразный город, осенние крики галок в высоких светлых деревьях – и эти ласковые речи и улыбки, и взгляды, долгие, мягкие, до дна доходящие, и красота, красота в самих нас, кругом, повсюду – это выше слов. О скамейка, на которой мы сидели молча, с поникшими от избытка чувств головами, – не забыть мне тебя до смертного моего часа! Что за прелесть были эти редкие прохожие с их коротким приветом и добрыми лицами, и плывшие мимо большие тихие лодки (на одной из них – помнишь? – стояла лошадь и задумчиво глядела на скользившую у ней под носом воду) – ребяческий лепет мелких прибрежных волн и самый лай далеких собак над гладью реки, самое покрякивание дородного унтер-офицера на учившихся тут же в сторонке краснощеких рекрутов с их оттопыренными локтями и вынесенными вперед на журавлиный лад ногами!.. Мы чувствовали оба, что лучше этих мгновений ничего в мире не бывало и не будет для нас, что всё остальное... Да и какие тут сравнения! Довольно... довольно!.. Увы! да: довольно.

XII

В последний раз отдался я тем воспоминаниям и прощаюсь с ними безвозвратно. Так скупой, в последний раз налюбовавшись своим кладом, своим золотом, своим светлым сокровищем, – засыпает его серой сырой землей; так светильня истощенной лампы, вспыхнув последним, ярким пламенем, покрывается холодным пеплом. Взглянул зверек в последний раз из своей норки на бархатную травку, на солнышко, на голубые ласковые воды – да и забился в самую глубь, свернулся калачиком и заснул. Будут ли ему хотя во сне мерещиться и солнышко, и травка, и голубые ласковые воды?

.....
.....
.....
.....
.....

XIII

Строго и безучастно ведет каждого из нас судьба – и только на первых порах мы, занятые всякими случайностями, вздором, самими собою, не чувствуем ее черствой руки. Пока можно обманываться и не стыдно лгать – можно жить и не стыдно надеяться. Истина – не полная истина – о той и помину быть не может, но даже та малость, которая нам доступна, замыкает тотчас нам уста, связывает нам руки, сводит нас «на нет». Тогда одно остается человеку, чтобы устоять на ногах и не разрушиться в прах, не погрязнуть в тине самозабвения... самопрезрения: спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! – и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества; то достоинство, на которое намекает Паскаль, когда он, называя человека мыслящим тростником, говорит, что если бы целая вселенная его раздавила – он, этот тростник, был бы все-таки выше вселенной, потому что он бы знал, что она его давит, а она бы этого не знала[7]. Слабое достоинство! Печальное утешение! как ты ни старайся проникнуться им, поверить ему – о, ты, кто бы ни был, мой бедный собрат, – не отразить тебе тех грозных слов поэта: «Наша жизнь – одна бродячая тень; жалкий актер, который рисуется и кичится какой-нибудь час на сцене, а там пропадает без вести; сказка, рассказанная безумцем, полная звуков и ярости и не имеющая никакого смысла»[8]. Я привел стихи из «Макбета», и пришли мне на память те ведьмы, призраки, привидения... Увы! не привидения, не фантастические, подземные силы страшны; не страшна гофманщина, под каким бы видом она ни являлась...[9] Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска[10]. Проникнувшись этим сознанием, отведав этой полыни, никакой уже мед не покажется сладким – и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближения, безвозвратной преданности – даже оно теряет всё свое обаяние; всё его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну да:

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru человек полюбил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях – смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка. Так, поздней осенью, в морозный день, когда всё безжизненно и немо в поседелой траве, на окраине обнаженного леса, – стоит солнцу выйти на миг из тумана, пристально взглянуть на застывшую землю – тотчас отовсюду поднимутся мошки: они играют в теплом его луче, хлопчут, толкуются вверх, вниз, вьются друг около друга... Солнце скроется – мошки валяются слабым дождем – и конец их мгновенной жизни.

XIV

Но разве нет великих представлений, великих утешительных слов: «Народность, право, свобода, человечество, искусство?» Да; эти слова существуют, и много людей живет ими и для них. Но все-таки мне сдается, что если бы вновь народился Шекспир, ему не из чего было бы отказаться от своего Гамлета, от своего Лира. Его пронизательный взор не открыл бы ничего нового в человеческом быту: всё та же пестрая и в сущности несложная картина развернулась бы перед ним в своем тревожном однообразии. То же легкое верие и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, те же пошлые удовольствия, те же бессмысленные страдания во имя... ну хоть во имя того же вздора, две тысячи лет тому назад осмеянного Аристофаном[11], те же самые грубые приманки, на которые так легко попадаетесь многоголовый зверь – людская толпа, те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды – словом, то же хлопотливое прыганье белки в том же старом, даже не подновленном колесе... Шекспир опять заставил бы Лира повторить свое жестокое: «нет виноватых» – что другими словами значит: «нет и правых»[12] – и тоже бы промолвил: довольно! – и тоже бы отвернулся. Одно разве только: быть может, в противоположность мрачному, трагическому тирану – Ричарду – иронический гений великого поэта захотел бы нарисовать другой, более современный тип тирана, который почти готов поверить в собственную добродетель и спокойно почивает по ночам или жалуется на чересчур изысканный обед в то самое время, когда его полураздавленные жертвы стараются хоть тем себя утешить, что воображают его, как Ричарда III, окруженным призраками погубленных им людей... [13]

Но к чему?

К чему доказывать – да еще подбирая и взвешивая слова, округляя и сглаживая речь, – к чему доказывать мошкам, что они точно мошки?[14]

XV

Но искусство?.. красота?.. Да, это сильные слова; они, пожалуй, сильнее других, мною выше упомянутых слов. Венера Милосская[15], пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года[16]. Мне могут возразить – и сколько раз уже слышались эти возражения! – что и сама красота дело условное, что китайцу она представляется совсем иначе, чем европейцу... Но не условность искусства меня смущает; его бренность, опять-таки его бренность, его тлен и прах – вот что лишает меня бодрости и веры. Искусство, в данный миг, пожалуй, сильнее самой природы, потому что в ней нет ни симфонии Бетховена, ни картины Рюисдаля[17], ни поэмы Гёте, – и одни лишь тупые педанты или недобросовестные болтуны могут еще толковать об искусстве как о подражании природе[18]; но в конце концов природа неотразима; ей спешить нечего, и рано или поздно она возьмет свое. Бессознательно и неуклонно покорная законам, она не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра; от века движущаяся, от века преходящая, она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного... Человек ее дитя; но человеческое – искусственное – ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизменным и бессмертным. Человек дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нет предпочтений: всё, что существует в ее лоне, возникло только на счет другого и должно в свое время уступить место другому – она создает, разрушая, и ей всё равно: что она создает, что она разрушает – лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих... А потому она так же спокойно покрывает плесенью божественный лик фидиа-совского Юпитера[19], как и простой голыш, и отдаёт на съедение презренной моли драгоценнейшие строки Софокла[20]. Люди, правда, ревностно помогают ей в ее истребительной работе; но разве не та же стихийная сила, не сила природы сказалась в палице варвара, бессмысленно дробившего лучезарное чело Аполлона[21], в звериных воплях, с которыми он бросал в огонь картину Апеллеса[22]? Где же нам, бедным людям, бедным художникам, сладить с этой глухонемой слепорожденной силой, которая даже не торжествует своих побед, а идет, идет вперед, всё пожирая[23]? Как устоять против этих тяжелых, грубых, бесконечно и безустанно надвигающихся волн, как поверить,

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru наконец, в значение и достоинство тех бранных образов, которые мы, в темноте, на краю бездны, лепим из праха и на миг?

XVI

Всё так... но одно преходящее прекрасно, сказал Шиллер[24]; и сама природа, в непрерывной игре своих возникающих, исчезающих форм, не чуждается красоты. Не она ли старательно убирает самые мгновенные из своих детищ – лепестки цветов, крылья бабочек – такими прелестными красками, не она ли придает им такие изящные очертанья? Красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной, – ей довольно одного мгновенья. Так; это, пожалуй, справедливо – но только там, где нет личности, нет человека, нет свободы: поблекшее крыло бабочки возникает вновь и через тысячу лет тем же самым крылом той же самой бабочки; тут строго и правильно, и безлично совершает свой круг необходимость... Но человек не повторяется, как бабочка, и дело его рук, его искусства, его свободное творение, однажды разрушенное, – погибает навсегда... Ему одному дано «творить»... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час, – как был, говорят, калиф на час[25]. В этом наше преимущество – и наше проклятие: каждый из этих «творцов» сам по себе, именно он, не кто другой, именно это я, словно создан с преднамерением, с предначертанием; каждый более или менее смутно понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному – и живет, должен жить в мгновенье и для мгновенья[26]. Сиди в грязи, любезный, и тянись к небу! Величайшие из нас – именно те, которые глубже всех других сознают это коренное противоречие; но в таком случае – спрашивается – уместны ли слова: величайший, великий?

XVII

Что же сказать о тех, к которым, при всем желании, нельзя применить эти имена, даже в том значении, которое придает им слабый человеческий язык? Что сказать об обыкновенных, дюжинных, второстепенных, третьестепенных тружениках, кто бы они ни были – государственные люди, ученые, художники – особенно художники? Чем заставить их стряхнуть свою немую лень, свое унылое недоумение, чем привлечь их опять на поле битвы, – если только мысль о тщете всего человеческого, всякой деятельности, ставящей себе более высокую задачу, чем добывание насущного хлеба, закралась им в голову? Какими венками прельстятся они – они, для которых и лавры и тернья стали равно незначительны? Из чего они станут снова подвергаться смеху «толпы холодной» или «суду глупца»[27] – старого глупца, который не может простить им, что они отвернулись от прежних кумиров, молодого глупца, который требует, чтобы они тотчас вместе с ним стали на колени, легли плашмя перед новыми, только что открытыми идолами[28]? Зачем пойдут они опять на этот толкучий рынок призраков, на это торжище, где и продавец и покупатель равно обманывают друг друга, где всё так шумно, громко – и всё так бедно и дрянно? Зачем «с изнеможением в кости» поплетутся они вновь в этот мир[29], где народы, как крестьянские мальчишки в праздничный день, барахтаются в грязи из-за горсти пустых орехов или дивятся, разинув рты, на лубочные картины, раскрашенные сусальным золотом, – в этот мир, где живуче только то, что не имеет права на жизнь, – и, оглушая самого себя собственным криком, каждый судорожно спешит к неизвестной и непонятной ему цели? Нет... нет... Довольно... довольно... довольно!

XVIII

...The rest is silence[30].

.

Источники текста

Первый черновой автограф, 2 л. Датируется мартом-апрелем 1862 г. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat, Slave 88*; описание см.: Мазон, р. 66; фотокопия – ИРЛИ, Р. I, оп. 29, .V» 206.

Второй черновой автограф, 10 л. Подпись «И. Т.» и помета: «Баден 11 марта н. с. 1864». Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat, Slave 94*; описание см.: Мазон, р. 66; микрофильм – ИРЛИ, кор. V, № 1–2.

Т, Соч, 1865, ч. 5, с. 335–350.

Т, Соч, 1869, ч. 5, с. 331–346.

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Т, Соч, 1874, ч. 5, с. 325–340.

Т, Соч, 1880, т. 8, с. 43–58.

Т, ПСС, 1883, т. 8, с. 41–55.

Впервые опубликовано: Т, Соч, 1865, ч. 5, с. 335–350.

Печатается по тексту Т, ПСС, 1883 с устранением явных опечаток, не замеченных Тургеневым, а также с исправлением (по всем другим источникам до Т, Соч, 1880) на с. 225 строка 33: «в сторонке» вместо «в стороне».

Первая рукопись «Довольно» имеет три страницы чернового текста, поля которых в большей своей части заполнены поправками. Рукопись озаглавлена: «Несколько писем без [конца и] начала и конца». Над заглавием Тургенев надписал: «Начало: „Довольно“. См. – в другой тетради». Повествование открывается теми же самыми словами («Довольно, говорил я самому себе»), что и в основном тексте. Главки с отточиями вписаны на полях. Далее главы не обозначены, но отделены друг от друга черточками.

Первый черновой автограф имеет много вариантов, большей частью стилистического характера. На полях содержатся заметки, которые, очевидно, предполагалось развить в дальнейшем: 1) «Досадно даже на себя за то, что постарался всё это красиво выразить [как будто и это что-нибудь]». 2) «И потекли накопившие слезы, не облегчая сердца, по как-то сладко и горестно терзая его». Эти заметки не зачеркнуты, но в окончательный текст не вошли, так же как и отрывок текста, вынесенный Тургеневым на поля с пометой «позже»: «[Но те] воспоминания теперь приятны мне только тогда, когда они воскрешают в уме не прежние события, а прежние [старые] другие воспоминания. Старые люди любят ходить по одним торным дорожкам. Вот как [стар я стал]. Я изжился!» [31] На первом листе рукописи есть обведенная чертой запись с пометой NB: «Диди (т. е. Клоди Виардо) в золотом дожде листьев». На втором листе рисунок пером – мужской головы.

Текст рукописи обрывается в конце третьей страницы. Он доведен до начала седьмой главки. Во втором автографе весь этот отрывок переписан набело (с. 1–5), с небольшими поправками. Очевидно, Тургенев перенес его в новую тетрадь и в этой же тетради продолжал работу.

Вторая рукопись занимает 18 страниц в тетради, имеющей двойную пагинацию: рукой Тургенева (по страницам) и печатную (по листам). На первом листе дан перечень сочинений Тургенева 1844–1864 гг., с третьего листа, без заглавия, начинается второй автограф «Довольно».

Текст второй рукописи (второй черновой автограф), содержащий многочисленные поправки и пометы на полях, в верхнем его слое близок к окончательному, хотя композиционно несколько отличается от него. В конце автографа подпись: «P. T.» и дата: «Баден 11 марта н. с. 1864».

Во второй рукописи то же количество главок (обозначены штрихами) и расположены они в той же последовательности, что и в окончательном тексте, – за исключением двух случаев: главка X помещена между текстами, соответствующими XIII и XIV главам; главка XVII начата и не закончена, далее следует текст XII главки, после которой отчеркнуто и заново написана глава XVII, т. е. главка XII расположена между XVI и XVII. Таким образом во втором черновом автографе две лирические главки были включены в текст философского содержания. В дальнейшем Тургенев перенес их в первую половину «Довольно», где преобладали главы-воспоминания.

Одна из разнохарактерных заметок на полях второго чернового автографа, намеченная еще в первой рукописи, была развернута, затем отвергнута и повторена в окончательном тексте более лаконично. Вместо «Всё это было ~ Да... досадно!» (с. 220, строки 30–33) было: а. [«Досадно между прочим и на себя за то, что постарался всё это покрасивее выразить»], б. «Досадно, как подумаешь, что в прежних самых пылких, самых порывистых восторгах твоей молодости, в самом смелом их выражении опять-таки не было ничего твоего, собственного, личного, непредвиденного. Всё закон, закон, глухой и неизменный, как закон тяготения...» [32].

Другие заметки представляют собой наброски мыслей, которые Тургенев,

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru по-видимому, собирался развить, но в дальнейшем отказался от своего намерения. Это – мысль о тиране (в гл. XIV): «(а есть тираны и без венцов на голове)»; о стихийности жизни (в гл. XV): «какая бы ни была – только жизнь, жующая, глотающая, [воспроизводящая] жизнь, истребляющая жертв [которых сама создала самцами и самками]»; об экономической подоплеке войн (в гл. XV): «в миллионах людских существ, истерзанных войной, которых истребили, как червей, для того чтобы число желудков не превзошло [количества] числа [вероят<ного>] возможного запаса»[33].

Характерно, что количество вариантов и вставок нарастает по мере приближения к последним, философским главам; к тому же исправления становятся значительнее и по объему и по содержанию. Вставки в первых главах уточняют предыдущую мысль сравнением или описанием, а в последних – это уже философские размышления самого писателя о смысле жизни, о месте и роли человека, о стихийном развитии природы.

Очевидно, после 11 марта н.с. 1864 г. (дата завершения второго чернового автографа) Тургенев работал над рукописью, перебеливая ее и внося композиционные и стилистические уточнения. В книге А. Мазона «Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev» зафиксированы сведения о двух авторских списках «Довольно». Один из них почти чистый, с небольшим количеством исправлений, другой – полностью белойой. Рукописи не датированы. (Mazon, p. 66).

Первое упоминание о замысле «Довольно» содержится в письме Н. В. Щербаня к Тургеневу от 15 (27) февраля 1862 г. из Москвы: «Я раззвонил, что Вы задумали „Довольно“, и Вам собираются писать, просить „не миновать нашего порога“. Да и в самом деле: дайте „Довольно“ „Русскому вестнику“» (ИРЛИ, ф. 5770, л. 2 об.). В ответном письме от 26 февраля (10 марта) 1862г., написанном до выхода в свет «Отцов и детей» и до развернувшейся по их поводу полемики, Тургенев сообщал своему корреспонденту: «„Довольно“ обещано во „Время“, но подвигается оно ужасно медленно». Речь шла, по-видимому, о начале работы над «Довольно». Об этом же произведении Тургенев писал из Парижа 18 (30) марта 1862г. Достоевскому, обещая привезти в Петербург в конце апреля «Призраки»: «Я было начал другую вещь <„Довольно“> – и вдруг схватился за ту <„Призраки“> и работал несколько дней с увлечением».

О том, что первая рукопись «Довольно» может быть датирована мартом-апрелем 1862г., свидетельствует и дважды помеченная в ней фамилия Schumann. В письме к В. П. Боткину от 12 (24) апреля 1862 г. Тургенев упоминает о музыке Р. Шумана и ее исполнительнице пианистке К. Шуман: «У нас здесь теперь Шуманн в ходу, благодаря прибытию его жены, которая дает концерты». По-видимому, под впечатлением от концерта К. Шуман Тургенев и занес в автограф эту фамилию.

В дальнейшей переписке Тургенева – до 6 (18) января 1865 г. – нет никаких упоминаний о «Довольно». Однако в статье Щербаня «Из Парижа», опубликованной в ноябрьском номере «Современной летописи» за 1862 г., сообщалось, очевидно, не без ведома писателя: «Замечу к слову, что Тургенев пишет теперь повесть „Довольно“, с которою познакомятся в будущем году читатели „Русского вестника“» (Современная летопись, еженедельное приложение к Рус Вестн, 1862, № 48, ноябрь, с. 8–9). После прочтения этой статьи И. П. Борисов писал Тургеневу 11 января 1863 г.: «Известие об Вас в „Современной> лет<описи>” про „Довольно” всех взбудоражило, все ожидают от Вас нового слова» (Т сб, вып. 4, с. 370). О работе Тургенева над «Довольно» было известно и А. Ф. Писемскому: «Ждем от вас, мой дорогой, Вашего „Довольно“, – напоминал он Тургеневу в марте 1864 г., – „Русский вестник” совершенно уверен, что вы отдадите его им» (Лит Насл, т. 73, кн. .2, с. 180).

11 марта н. с. 1864 г. Тургенев завершил вторую черновую рукопись и включил «Довольно» с датой 1864 г. в список своих произведений, вошедших в издание 1865 г. На отдельном листе второго чернового автографа, содержащем перечень сочинений 1844–1864гг., рукой Тургенева помечено: «Дозволено цензурой. СПб. 20-го февр. 1864», хотя «Довольно» проходило через цензуру позднее.

Таким образом, Тургенев работал над повестью одновременно с «Призраками» в течение двух лет.

«Довольно» уже было включено в план «Сочинений», может быть, даже переписано, но сам Тургенев никому не сообщил об этом своем произведении. Сразу же после «Довольно» Тургенев написал рассказ «Собака», читал его друзьям, неоднократно

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru упоминал о нем в письмах, но о «Довольно» но обмолвился ни в письмах, ни во время встреч с В. П. Боткиным и П. В. Анненковым, которым он всегда показывал перед напечатанием свои законченные произведения. В письме к Ф. М. Достоевскому от 28 декабря ст. ст. 1864 г. писатель утверждал, что у него нет «ничего не только готового, но даже начатого», хотя «Довольно» еще в 1862 г. было обещано «Времени».

И только 6 (18) января 1865 г. Тургенев известил Анненкова: «На днях я вам pošлю крохотный отрывочек под названием: „Довольно“, назначенный в новое мое издание, коего четвертый том уже приближается к концу; всех будет пять...» Но повесть еще в течение двух месяцев оставалась у Тургенева в Париже, о чем он писал Щербаню 31 января (12 февраля) 1865 г.: «Рукопись „Довольно“ здесь; т. е. девять страниц, которые я готов вам показать и даже прочесть, хотя полагаю, que vous en serez peu édifié <что вы немного из нее извлечете>». Лишь 6 (18) марта 1865 г. рукопись была послана Анненкову вместе с сопроводительным письмом, в котором содержалась просьба быстро провести ее через цензуру. «Вот вам, любезнейший друг П<авел> В<асильевич>, отрывок „Довольно“, по прочтении которого мои читатели, вероятно, воскликнут: „действительно довольно!“ – писал Тургенев в этот день. – Лучшим доказательством моей лени служит то, что и этот вздор я едва осилил. Между тем дело это чрезвычайно спешное, ибо последний том подвигается печатанием к концу, и, чего доброго, выйдет задержка. И потому, будьте отцом и благодетелем: проследивши сии прелестные страницы, летите „стремплешь“, как говорил Языков, к моему цензору, которому я обещал заблаговременно прислать рукопись, и попросите его сказать тотчас же, что нет препятствий к печатанию (мизантропические выходы в конце не могут быть, кажется, препятствием), и немедленно, тоже „стремплешь“, либо дайте мне знать, что „ничего, можно“, либо пришлите мне обратно эти листы с пометками <...> Также скажите собственное ваше, для меня, как вы знаете, всегда важное, мнение».

Анненков после еще одного письма Тургенева с подобной же просьбой поторопиться, провел «Довольно» через цензуру; 20 марта (1 апреля) 1865 г. Тургенев благодарит его за присланную обратно рукопись, а 23 апреля (5 мая) 1865 г. сообщает, что «Сочинения», в том числе и V том, который завершается «Довольно», отправлены из Карлсруэ, где они печатались, в Петербург.

Таким образом, Тургенев на этот раз постарался избежать сколько-нибудь широкого обсуждения «Довольно». Видимо, причиной этого послужили его интимные воспоминания в «Довольно», которые он не решался выносить на суд публики. Характерно, что и опубликовано было «Довольно» лишь в «Собрании сочинении» 1865 года.

Несмотря на это, появление «Довольно» не осталось незамеченным. Само заглавие, подзаголовок «Отрывок из записок умершего художника», лирическая тональность повествования, красноречивое завершение «Сочинений» этим «субъективным» очерком – всё это наталкивало читателей на мысль, что «Довольно» – автобиографическая исповедь, своего рода итог творчества писателя.

Эта точка зрения нашла свое выражение в письмах людей, хорошо знавших Тургенева.

И. П. Борисов, отметивший автобиографизм и пессимистичность повести, писал Тургеневу 29 октября ст. ст. 1865 г.: «В Вашем „Довольно“ многое я прочитал с большим чувством за Вас. Вы как будто хотите так уйти от нас, как я вот из Воздвиженской, когда с оказией уходил за Грозненские ворота <...> без всякой цели впереди <...> просто-напросто пришло Довольно жить» (Т сб, вып. 5, с. 497). В. П. Боткин кратко уведомлял фета в письме от 17 (29) марта 1865 г., что Тургенев «и вправду кончил свое „Довольно“ и прислал сюда в цензуру. Это очень коротенькая вещь, но повесть, а лирические излияния. Я не читал, но даже Анненков говорит, что очень слабо. Совсем расползся Иван Сергеевич, и внутренний нерв его завял и сделался дряблым и хилым» (Фет, т. 2, с. 62).

Мнение Анненкова Боткин передал неточно. Сразу же после получения «Довольно» Анненков ответил Тургеневу, высказав в письме от 16 марта ст. ст. 1865 г. свое сложное впечатление от повести, дав ей в целом высокую оценку, особо отметив ее мастерство: «Я думаю и у Вас мало таких ярких и очаровательных картин, как воспоминания первой половины рассказа; вторая его половина, по временам, глубока, но имеет несчастье походить на мрачную католическую проповедь <...> Да и надо иметь непременно 55 лет, одышку, запор и водяную, чтобы усвоить себе все впечатления этой второй половины, как должно, а написано всё мастерски. Вот

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru этого-то и довольно во всей пьесе» (ИРЛИ, ф. 7, № 8, л. 105 об.). Тургенев согласился с критическим замечанием своего друга и литературного советчика по поводу «мизантропических выходов в конце» «Довольно», но от исправлений отказался не только из-за отсутствия времени. «... Действительно, я, кажется, конец пересолил, – писал он в ответном письме 20 марта (1 апреля) 1865 г. – Но дело в том, что я задумал эту штуку в тяжелое время, а окончил ее в эпоху сравнительно приятную: я и очутился в положении человека, который жаловался на отсутствие аппетита и потому ел страшно много, так как он не знал, когда остановиться. Всё равно, переделывать теперь некогда, да и не для чего – пусть отправляется так, как есть».

О том, что Фет отнесся к «Довольно» положительно, известно из письма к нему Тургенева, в котором писатель не соглашался с критической оценкой Боткина и подчеркивал, что это произведение ему особенно дорого. «А что Вам некоторые звуки в „Довольно“ пришлись по уху – меня радует, – писал он Фету 10 (22) октября 1865 г. – Я готов даже сказать Вам по секрету – что не только один Боткин, но даже сто Боткиных (Господи! какое это было бы зрелище!) не в состоянии уверить меня, что „Довольно“ – один „набор слов“. Не так оно писалось».

Первое впечатление Л. Толстого от «Довольно» было резко отрицательным. «„Довольно“ мне не понравилось, – сообщал он Фету 7 (19) октября 1865 г. – личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненности страдания» (Толстой, т. 61, с. 109). Однако позднее, в 1880-х годах, он изменил свой взгляд на это произведение, оказавшееся глубоко созвучным его собственным мыслям. «Сейчас читал тургеневское „Довольно“, – писал он С. А. Толстой 30 сентября (12 октября) 1883 г. после смерти Тургенева. – Прочти, что за прелесть» (Толстой, т. 83, с. 397). В дневниковой записи от 7 октября 1892 г. Толстой сближает «Довольно» и статью Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» – «это отрицание жизни мирской и утверждение жизни христианской», – намереваясь написать на эту тему статью (Толстой, т. 52, с. 74). Об этом же свидетельствует и дневниковая запись В. Ф. Лазурского от 23 июня 1894 г.: «Лев Николаевич отлично помнит всё. Выше всех он ставит „Довольно“ и статью „Гамлет и Дон-Кихот“. Говорил, что писал статью о Тургеневе, где рассматривал эти два произведения в связи одно с другим (настроение разочарования и потом указание пути спастись от сознания пустоты). Хотел читать на тургеневском празднике, но ему „запретили“» (Лит насл, т. 37–38, с. 450). Определение Толстым центральной идеи «Довольно» содержится в его обобщающей характеристике Тургенева – человека и художника, сформулированной в письме к А. Н. Пыпину. «По-моему, – писал Толстой 10 (22) января 1884 г., – в его (Тургенева) жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь, искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно, и прелестно в „Довольно“, и 3) не формулированная, как будто нарочно из боязни захватать ее <...> вера в добро – любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в „Дон-Кихоте“» (Толстой, т. 63, с. 150).

«Довольно», как и «Призраки», – своеобразная интимно-философская исповедь писателя, проникнутая глубоко пессимистическим пониманием истории человеческого общества, природы, искусства. На автобиографическую основу очерка Тургенев указывал в письме к М. М. Стасюлевичу от 8 (20) мая 1878 г.: «Я сам раскаиваюсь в том, что печатал этот отрывок (к счастью, никто его не заметил в публике), – и не потому, что считаю его плохим, а потому, что в нем выражены такие личные воспоминания и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды». Характерно, что, возражая против стихотворного переложения «Довольно» С. А. Андреевским[34], Тургенев писал в том же письме к М. М. Стасюлевичу о всей повести в целом: «... тут такая „субъективщина“, что беда. Мне было бы очень жутко, если бы всё это опять всплыло наружу». О композиционном единстве «Довольно», в котором главки-воспоминания проникнуты «трагическим значением любви», а философские раздумья и сомнения пронизаны интимным чувством, свидетельствует и творческая история произведения[35].

Окрашенные поэтическим чувством картины «личных воспоминаний» о прошлом, напоминающие по лиризму стихотворения в прозе, сменяются размышлениями автора над «мелконеинтересной и нищенски плоской» жизнью, раздумьями о «тщете всего человеческого, всякой деятельности». Мысли о мгновенности человеческой жизни, обусловленной слепым законом природы, о ничтожестве исторической деятельности человечества и самого его высокого проявления – искусства тесно переплетаются в «Довольно» с суждениями о социальной жизни России и Западной Европы.

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Среди философских и исторических штудий писателя, послуживших источниками отдельных философских мотивов, творчески переосмысленных в «Довольно», в исследовательской литературе и критике о Тургеневе назывались А. Шопенгауэр[36], Б. Паскаль[37], Экклизиаст[38], Марк Аврелий, Сенека, Светоний[39]; художники-мыслители Гёте, Шекспир, Шиллер, Пушкин. В тексте «Довольно» используются многие поэтические образы, литературные цитаты и реминисценции. Образы Шекспира привлекаются для критики «ухваток власти» современных тиранов и рабства людей – мошек. Тоска по преходящей красоте искусства, по погибшим ценностям античного мира переходит в полемику по эстетическим проблемам, появляются ссылки на Шиллера, Гёте, Пушкина, выпады против отдельных положений теории «чистого искусства» и эстетики Чернышевского.

Лиризм и философское содержание сближают «Довольно» со многими произведениями Тургенева. Исследователи творчества Тургенева отмечали тесную связь «Довольно» с «Дворянским гнездом», «Поездкой в Полесье», «Фаустом», с романом «Дым»[40].

Прослежены также параллели между «Довольно», с одной стороны, и «Призраками»[41], «Отцами и детьми»[42] и стихотворениями в прозе[43] – с другой. Герой «Довольно», художник, близок «лишним людям» Тургенева; та же жанровая форма воспоминаний и писем свойственна таким, например, произведениям писателя, как «Дневник лишнего человека», «Переписка», «Фауст», «Ася», «Первая любовь». Философские раздумья художника, автора «Отрывка из записок...», близки многим высказываниям самого Тургенева, содержащимся в его письмах.

В большинстве критических откликов на «Довольно» отмечался лишь пессимизм очерка, причины которого объяснялись поверхностно, с осуждением в адрес Тургенева.

В большой обзорной статье «Новые книги», подписанной П-ов, лишь вкратце упоминалось о томе V «Сочинений» Тургенева, в основном о «Довольно»: «„Довольно“ <...> дышит такою неподдельною грустью, что тяжело читать его <...> Кажется, будто читаешь загробную исповедь человека, уже покончившего свои расчеты и с людьми, и со всем в жизни...» (СПб вед, 1865, № 178, 14 июля, с. 2).

Иронический отзыв об очерке Тургенева принадлежал Д. Д. Минаеву в статье «Дневник томного человека»: «...г. Тургенев добровольно еще при жизни закутывается в саван и прощается с публикой» (Будильник, 1865, № 36, 18 мая, с. 142).

В заметке в «Русском инвалиде» (1865, № 161, 24 июля, с. 4) о «Довольно» писал А. И-н (А. С. Суворин): «Это короткие главы, лучше сказать, лирические строфы, полные поэзии, – это прощанье с жизнью, воспоминания о прежней любви, о молодости, то горькие, будто озлобленные, то такие тихие, славные».

Большая анонимная статья в трех номерах «Сына отечества» характеризовала «Довольно» как «грустное разочарование в жизни», как прощание писателя «со всем, что дорого и мило» (Сын отечества, 1865, № 221, 15 сентября, с. 1790).

Враждебная Тургеневу газета А. А. Краевского «Голос» два года спустя, в статье по поводу «Дыма», подвела тенденциозный итог этим первым откликам: «И „Призраки“, и „Собака“, и „Довольно“ – это больное исчадие больного воображения – были замечены в литературе только потому, что подписаны именем Тургенева; иначе они были бы забыты на другой же день по прочтении» (Голос, 1867, № 124, 6 мая, с. 1).

В качестве серьезного оппонента Тургенева выступил В. Ф. Одоевский в очерке «Недовольно» (опубликован в «Беседах в обществе любителей российской словесности», 1867, № 1, с. 65–84). В противоположность философскому пессимизму, которым проникнут «Отрывок из записок неизвестного художника», Одоевский утверждал идею неодолимости научного прогресса. Автор «Недовольно» полемизировал с Тургеневым и по эстетическим вопросам.

Идеал вечной красоты Одоевский видел не в прошедшем, а в будущем, причем в «Недовольно» утверждалась мысль о «расширении сферы эстетического под влиянием научных знаний»[44].

Очерк «Недовольно» был известен Тургеневу и одобрен им. «Прочел ему (Тургеневу)

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru статью мою, – отмечал Одоевский в своей „Хронике” 9 марта 1867 г., – он остался ею очень доволен, хотя и не вполне согласен со мною» [45].

Иронический по адресу Тургенева отклик на возражения Одоевского принадлежал Н. К. Михайловскому в его памфлете «Старички»: «...г. Тургенев слушает, слушает речь своего антагониста, наконец махает своей „ненужной” рукой и исчезает к себе в Баден-Баден» (Современное обозрение, 1868, № 4, отд. III, с. 19).

П. Ф. Алисов в статье «„Довольно” и „Призраки” Ив. Тургенева», написанной, видимо, в начале 1870-х годов, характеризует «Довольно» как романтическую исповедь: «„Довольно” – разросшееся до гигантских размеров „И скучно и грустно” Лермонтова. Это коробящий, дикий хохот отчаяния, постигшего ничтожество <...> „Довольно” от первой и до последней строки пахнет трупом; оно проникнуто разложением» (Алисов П. Ф. Сборник литературных и политических статей. Женева, 1877, с. 217, 219).

В своей книге «И. С. Тургенев», напечатанной в 1875 году, С. А. Венгеров признается, что «совершенно не понимает загадочный „очерк”»: «Это какой-то беспорядочный сумбур, набор слов, ничем между собою не связанных, скорее похожий на бред, нежели на литературное произведение» (Венгеров С. А. Русская литература в ее современных представителях. И. С. Тургенев. СПб., 1875, ч. I, с. 101, ч. II, с. 148–149).

В. П. Буренин в «Критическом этюде» свел все содержание «Довольно» к мотивам личного разочарования писателя: «Разочарование в значении собственного творчества, разочарование, которое было вызвано в Тургеневе фактом непонимания его лучшего произведения (т. е. „Отцов и детей”), фактом охлаждения к нему в момент высшего развития его творчества, высказывается в <...> сомнениях в призвании художника и жалобах на тщету художнической деятельности». «Отрывок этот полон сплошь унылым пессимизмом романтического характера, – писал Буренин, – очень напоминающим поэтический пессимизм Леопарди, который похож на нашего художника тем, что с творческой фантазией соединял трезвую рассудочность» (Буренин В. П. Литературная деятельность Тургенева. СПб., 1884, с. 166, 168) [46].

Демократические критики также отрицательно отзывались о «Довольно». Героя «Довольно» они характеризовали как разновидность «лишнего человека» и полемически отождествляли его с Тургеневым. Пессимистическую социальную тенденцию в «Довольно» они считали отходом от общественных прогрессивных идеалов.

В «Книжном вестнике» была напечатана небольшая рецензия без подписи. Рецензент защищал эстетические позиции Чернышевского и, присоединяясь к точке зрения Добролюбова на «лишних людей», критиковал Тургенева за пренебрежение к «деятельным, практическим натурам», за сочувствие «слабым, надломленным людям»: «Грустно прийти к такому полному индифферентизму, к такой безнадежной усталости, но если уж пришел к этому человек, то лучше ему, в самом деле, „скрестив на пустой груди ненужные руки”, спокойно отвернуться от всего и сказать: „довольно!” В такой позе он, по крайней мере, не будет мешать другим» (Книжный вестник, 1865, № 12, с. 237).

Ту же мысль проводит Н. В. Шелгунов в статье «Неустранимая утрата»: «Что такое „Довольно”, как не исповедь изжившего чувства, как не последнее слово человека, который уже не может идти за жизнью». Завершая статью отрицательной характеристикой «Довольно», Шелгунов утверждал: «Общественно-литературное служение Тургенева кончилось <...> и с момента освобождения крестьян Тургенев умер и перестал служить тому, чему он девятнадцати лет дал клятву служить. Тургеневу следовало тогда же прекратить свою деятельность, и для прогрессивной жизни он ее прекратил действительно» (Дело, 1870, № 6, отд. II, с. 32, 34).

В статье «Цивилизация и дикие племена», принадлежащей П. Л. Лаврову, также содержался выпад против Тургенева – автора «Довольно». В заключительной главе «Потугинская цивилизация в виде послесловия», выступая против либеральной фразы, Лавров почти цитирует отрывок из повести и повторяет тургеневский рефрен: «Нам нужно поменьше людей, которые говорили бы громкие слова, не понимая их, людей, бессильных для оживляющей мысли <...> людей, которые, качая своею утомленной седой головой, говорят борцам мысли: „Довольно! Довольно! Вся ваша борьба и ваша мысль – дым! Все это пройдет, пора остановиться; пора успокоиться; пора

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru устраивать муравейник!» (Отеч Зап, 1869, № 9, с. 128). Впоследствии Лавров характеризовал «Довольно» более объективно, объясняя его пессимизм временным разочарованием Тургенева в русской общественной жизни. В статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» критик писал: «Уныние и подавленность Ивана Сергеевича в этот печальный период были временною болезнью, которую нетрудно объяснить и действительными событиями в русском обществе, и его удалением от России, не позволявшим ему заметить сохранившиеся и укрепившиеся живые силы общества и новые пробивающиеся его ростки» (Вестник народной воли, 1884, № 2, с. 106; см. также: Лит Насл, т. 76, с. 231). Здесь же, устанавливая генетическую связь между «Призраками», «Довольно» и романом «Дым», Лавров отдавал должное художественности «Довольно», отмечая в нем «язык точной мысли» и называя его «клирической прозой» (см.: Лит Насл, т. 76, с. 200, 230).

Высокая оценка повести Тургенева принадлежит А. И. Эртелю, автору статьи «Из степи. По поводу смерти И. С. Тургенева», написанной 27 сентября 1883 г. (опубликованной в ростовской газете «Дон», 1883, № 107, 2 октября, за подписью N). «Судьба безжалостна, смерть не знает пощады,— писал А. И. Эртель в некрологической статье.— У них свои права, законность которых неоспорима, но человек тоже имеет свое право — правда, жалкое и обидное — право тоски и грусти. Это протест, быть может, более всего свойственный русскому человеку, это протест, выразителем которого именно в таком-то смысле был и Тургенев, создавший „Стихотворения в прозе” и „Довольно”» (Лит Насл, т. 76, с. 601).

«Довольно» вызвала отклики и в современной Тургеневу художественной литературе.

Своеобразную критику «Довольно» (и «Призраков» — см. комментарий к «Призракам») дал Ф. М. Достоевский в своем романе «Бесы» (печатался в «Русском вестнике» за 1871–1872 годы). В части третьей главы первой романа, в сцене чтения рассказа «Мерси» писателем Кармазиновым, в котором современники сразу угадали пародию на Тургенева, Достоевский высмеивал стиль и отдельные фразы «Довольно», оценивая очерк как прощание писателя с читателями, но прощание неискреннее, показное. Завершение рассказа «Мерси» почти совпадает с завершением «Довольно»: «Нет уж, довольно мы повозились друг с другом, милые соотечественники, мерсі! Пора нам в разные стороны! Мерсі, мерсі, мерсі» (Достоевский, т. 10, с. 369).

В программном очерке «Выпрямила» (1885) Г. И. Успенский полемизировал по поводу тургеневского афоризма из XV главы «Довольно»: «Венера Милосская несомненное принципов восемьдесят девятого года», явившегося в известной мере поводом для выступления писателя-демократа по одному из важнейших эстетических вопросов: об общественной роли искусства. В тургеневскую формулу писатель вкладывает свое содержание. Успенский, как и Тургенев, утверждал тезис о несомненности идеи прекрасного, символом которой была знаменитая Луврская статуя. Но понятие прекрасного связывалось Успенским с его представлением о поэзии крестьянского труда, с преклонением перед революционным подвигом¹⁷.

Ленин использует измененную цитату из «Довольно» в статье «Письмо к товарищам» (1917)¹⁸.

По свидетельству Щербаня, французский перевод «Довольно» был выполнен им с согласия Тургенева и опубликован в «Le Nord» в 1865 г. 22 августа (Рус Вестн, 1890, № 8, с. 22).

Примечания

1

Ср. у Марка Аврелия: «Пора уgomониться <...> оставь пустые надежды сам, пока еще не поздно, приди себе на помощь, если ты сколько-нибудь заботишься о самом себе...»; «Что бы ни произошло, всегда будь готов сказать: „Ведь это то самое, что я уже часто видел...”»; «Довольно жалкой жизни, ропота и обезьянничанья. Что тревожит тебя? Что в этом нового? (. . .) Всё равно, наблюдать ли одно и то же сто лет или три года» (Аврелий Марк. Наедине с собой. Размышления. М., 1914, с. 34, 91, 137).

2

феория (от греч. theos — бог) — торжественное священное посольство, отправлявшееся в храмы, приносящее жертву богам и вопрошающее оракула. Наиболее известна афинская феория, ежегодно отправлявшаяся на остров Делос к святилищу

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru Аполлона. Возможно, Тургенев имеет в виду фреску Рафаэля «Афинская школа», выполненную в парадном зале Ватиканского дворца. Во втором черновом автографе упоминался Рафаэль (см.: Т сб, вып. 3, с. 24). С конца февраля по 12 (24) апреля 1840 г. Тургенев жил в Риме во время путешествия по Италии. Об изучении «памятников и древностей» Рима он писал в «Воспоминаниях о Н. В. Станкевиче» (см. наст. изд., т. 5).

3

Благовещение – христианский праздник, празднуется 25 марта по православному календарю.

4

Главки VII–VIII по своему лиризму ассоциативно близки XXXIV главе «Дворянского гнезда», сцене объяснения Лаврецкого с Лизой (см. наст. изд., т. 6).

5

Эта главка напоминает письма Тургенева к П. Виардо 1840-х гг., особенно письмо от 9(21) мая 1844 г. из Петербурга, в котором Тургенев сообщал: «Я хотел заглянуть здесь в наши милые маленькие комнатки, но теперь там кто-то живет».

6

В древнегреческой мифологии и философии Хаос – изначальная вечная, безграничная стихия, существовавшая до образования мироздания; темный животворный источник жизни мира.

7

Вольно пересказанное Тургеневым широко известное суждение Блеза Паскаля (Pascal; 1623–1662): «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит. Незачем целой вселенной ополчаться, чтобы его раздавить. Пара, капли воды достаточно, чтобы его умертвить. Но если бы даже вселенная раздавила его, человек был бы еще более благороден, чем то, что его убивает, потому что он знает, что он умирает; а вселенная ничего не знает о том преимуществе, которое она имеет над ним» (Паскаль Б. Мысли. СПб., 1888, с. 47).

8

Макбет. Акт V-й, сцена 5-я. (Прим. И. С. Тургенева)

9

В данном контексте речь идет о трагическом вмешательстве потусторонних сил в жизнь человека. Понятие «гофманщина» связано с именем немецкого писателя-романтика Гофмана (Hoffmann) Эрнста Теодора Амадея (1776–1828).

10

Эти высказывания, как и вся XIII главка «Довольно», идейно и композиционно близки XXIII главе «Призраков» (см. наст. том, с. 216).

11

Аристофан (ок. 446–385 гг. до н. э.) – древнегреческий комедиограф, сатирик, автор комедий «Всадники», «Облака», «Осы», «Птицы», «Лисистрата», «Лягушки» и др. Высокая оценка Аристофана и его школы содержится в письме Тургенева к Полине Виардо от 28 ноября, 3 декабря (10, 15 декабря) 1846 г.

12

Слова Лира из трагедии Шекспира «Король Лир» (1608) (д. IV, сцена 6). В такой же интерпретации Тургенев процитировал их в письме к Ю. П. Вревской от 18 (30) января 1877 г. и повторил в повести «Степной король Лир» (1870).

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
13

В трагедии Шекспира «Ричард III» (1597) главному герою Ричарду III Глостеру являются призраки людей, павших жертвами его преступлений (действие пятое, сцена третья). Прототипом героя трагедии Шекспира явился английский король Ричард III, последний из династии Йорков; вступил на престол, совершив ряд злодеяний.

14

Ср. с XXIII гл. «Призраков»: «Эти люди – мухи, в тысячу раз ничтожнее мух» (см. наст. том, с. 216).

15

Статуя Венеры Милосской, обнаруженная при раскопках в Греции в начале XIX в., находился в Париже в Луврском музее. Римское право – свод законов древнего Римского государства. Римские юристы различали право публичное и право частное. Римское частное право легло в основу законодательства многих западноевропейских государств, прямо заимствовавших римские правовые понятия или принявших принципы римского права за образцы при разработке кодексов нового времени.

16

Речь идет о «Декларации прав человека и гражданина» – политическом манифесте французской буржуазной революции, принятом Учредительным собранием 26 августа 1789 года.

17

Рейсдаль (Ruysdael, Ruisdael) Якоб ван (1628 или 1629–1682) – голландский художник-пейзажист; принадлежал к любимым живописцам Тургенева. «Ходил я в Эрмитаж посмотреть старых друзей: Рюисдаля, Поттера и других», – писал Тургенев П. Виардо 7, 8 (10, 20) марта 1868 г. из Петербурга.

18

Выпад против некоторых положений диссертации Чернышевского «Об эстетических отношениях искусства к действительности». Ср. с высказыванием Тургенева о ней в письме к Боткину и Некрасову от 25 июля (6 августа) 1855 г.: «Что же касается до книги Чернышевского – вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни – и в сущности годится только для людей незрелых. Как ни вертись, эта мысль у него лежит в основании всего. А это, по-моему, вздор».

19

Статуя Зевса (Юпитера) в храме Зевса в Олимпии, созданная древнегреческим скульптором Фидием (VI–V вв. до н. э.), считалась одним из семи чудес света. Статуя не сохранилась; известна по копиям и описаниям.

20

Из более чем 120 пьес Софокла (497–406 до н. э.) сохранились лишь семь трагедий и около 100 отрывков.

21

Аполлон – один из наиболее почитаемых богов античного Олимпа. Известны статуи Аполлона работы древнегреческих скульпторов Леохара, Праксителя.

22

Апеллес – древнегреческий живописец второй половины IV века до н. э. Его портреты и картины не сохранились.

23

Высказывания о всемогущей стихийности природы, о ее «грубом равнодушии» содержатся во многих письмах Тургенева к П. Виардо. «Да она такова: она

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru равнодушна, – писал он 29, 30 мая (10, 11 июня) 1849 г., – душа есть только в нас, может быть, немного вокруг нас... Это слабое сияние, которое древняя ночь вечно стремится поглотить». Ср. с письмом к П. Виардо от 16 (28) июля 1849 г.: «Эта штука – равнодушная, повелительная, прозорливая, себялюбивая, подавляющая – это жизнь, природа или бог; называйте ее как хотите...»

24

Возможно, Тургенев имеет в виду следующие строки Шиллера:

Schwer ist die Kunst,
Vergänglichlich ist ihr Preis.

(Искусство – трудно: преходящее ему цена. – Шиллер Ф. Вступление к трилогии «Валленштейн», 1800).

25

Калиф на час – человек, наделенный властью на очень короткое время, образ из арабской сказки «Сон наяву, или Калиф на час», входящей в сборник «Тысяча и одна ночь». Популярности выражения способствовала оперетта Ж. Оффенбаха (1819–1880) «Калиф на час».

26

Как не вспомнить тут слов Мефистофеля к Фаусту:

Er (Gott) findet sich in einem ew'gen Glanze,
Uns hat er in die Finsterniss gebracht –
Und euch taugt einzig Tag und Nacht.

<Он (бог) обитает в вечном сиянии, нас он низринул в темноту, вам он отвел день и ночь (нем.)>. (Прим. И. С. Тургенева)

И.-В. Гёте. Фауст (1808). Часть I, рабочая комната Фауста.

27

Цитата из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830): «Услышишь суд глупца и смех толпы холодной».

28

Намек на полемику вокруг «Отцов и детей».

29

Усеченная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Как птица раннею зарей...» (1836):

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

30

Дальнейшее – молчанье (англ.).

Последние слова умирающего Гамлета из трагедии Шекспира «Гамлет» (1604) (д. V, сцена 2).

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

31

См.: Перминов Г. Ф. «Довольно». Черновой автограф.— Т сб, вып. 3, с. 15.

32

См. указ. статью Г. Ф. Перминова в Тсб, выи. 3, с. 17.

33

Там же, с. 24–25.

34

Поэт С. А. Андреевский, почувствовав лиричность «Довольно», переложил в 1878 г. содержание глав-воспоминаний в поэму и через Стасюлевича обратился к Тургеневу за разрешением опубликовать стихи. Поэма Андреевского «Довольно» была напечатана только после смерти писателя в первом номере «Вестника Европы» за 1884 год.

35

См. об этом: Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л., 1972, с. 33–35.

36

См.: Азадовский М. К. Три редакции «Призраков».— Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 20, вып. 1, с. 138–150; Винникова И. А. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов, 1965, с. 53–73; Левин Ю. Д. «Довольно».— Т сб, вып. 1, с. 253–254; Батюто А. И. Тургенев-романист. Л., 1972, с. 76–112, 127 – 137, 143–158.

37

Об отношении Тургенева к Паскалю см. в указ. выше книге А. И. Батюто, с. 61 – 75.

38

См.: Страхов Н. Новая повесть Тургенева (Отч Зап, 1867, № 4, с. 169 – 170); Иванов, с. 183–184, 461.

39

О совпадениях некоторых философских суждений в «Довольно» и «Призраках» с высказываниями Марка Аврелия, Сенеки, Све-тония см. в указ. выше книге А. И. Батюто, с. 103–148.

40

Там же, с. 83–84, 87, 131; Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы), с. 33.

41

См.: Пиксанов Н. К. История «Призраков».— Т и его время, с. 167 – 168, 185; указ. выше статью М. К. Азадовского, с. 138–150; книгу И. А. Винниковой «И. С. Тургенев в шестидесятые годы», с. 53–73.

42

Бялый Г. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962, с. 174; Батюто А. И. Тургенев-романист, с. 67–68, 74–75.

43

См.: Алексеев М. П. Комментарии к «Стихотворениям в прозе».— Т, ПСС и П, Сочинения, т. XIII, с. 628.

Довольно (Отрывок из записок умершего художника). Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

44

См.: Турьян М. А. В. Ф. Одоевский в полемике с И. С. Тургеневым (по неопубликованным материалам). – Русская литература, 1972, № 1, с. 95–102, 97.

45

Лит насл, т. 22–24, с. 229.

46 Буренин сравнивает начало «Довольно» с известной лирической пьесой Джакомо Леопарди «К самому себе» («A se stesso», 1836) в переводе Л. Г. Граве (см. указ. выше книгу Буренина, с. 167).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!